

Научная статья
УДК 82-6
DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-33
EDN: VYQZBP

Переписка П. В. Киреевского с Н. М. Языковым 1830-х годов и традиции дружеской эпистографии

Марина Дмитриевна Кузьмина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18
mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Аннотация. В то время как И. В. Киреевский состоял в дружбе и дружеской переписке с широчайшим кругом лиц (А. И. Кошелевым, В. Ф. Одоевским, А. В. Веневитиновым, Е. А. Баратынским, Н. М. Языковым, Н. М. Рожалиным, С. П. Шевыревым, С. А. Соболевским, А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским и др.), его младший брат-интроверт П. В. Киреевский довольствовался дружбой и дружеской перепиской лишь с одним лицом – поэтом Н. М. Языковым. Их общение продолжалось до конца недолгой жизни последнего, которая оборвалась в 1846 г. Языков был вхож в круг семьи Киреевских-Елагиных, был принят в ней как родной, что было крайне важно для Петра, не мыслящего жизни вне семьи (характерно, что, в отличие от старшего брата, он и не вступил в брак). Более того, двух друзей объединял большой интерес к русской старине, к фольклору. Языков с усердием, даже с ревностью, помогал Киреевскому собирать произведения устного народного творчества. Этот обоюдный интерес сказался на характере их переписки: ее язык местами архаичен, она во многом стилизована под фольклор. Вместе с тем любопытно, что, на первый взгляд, очень замкнутая, она испытывала влияние современного ей литературного процесса и прежде всего современной эпистографии. В ней, пусть и по-своему, отразился популярный в дружеском кругу Пушкина и в дружеском кругу Ивана Киреевского «буффонадный» стиль. Вместе с тем она испытала влияние семейной переписки Киреевских-Елагиных, в которой была принята исповедально-«душеизлиянная» манера. При всем том эпистолярное общение двух друзей было глубоко своеобразно. Закрытый, самодостаточный, Петр Киреевский был мало подвержен внешним влияниям. Не попадая в сферу внимания исследователей эпистолярного жанра, его переписка с Языковым имеет литературную ценность. Исследование дружеской эпистографии 1830-х гг. без ее учета не может быть полным.

Ключевые слова: П. В. Киреевский; Н. М. Языков; дружеская эпистография 1830-х гг.; дружеская переписка; дружеское письмо; «буффонадное» письмо; исповедальное письмо

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Переписка П. В. Киреевского с Н. М. Языковым 1830-х годов и традиции дружеской эпистографии // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 33–41. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-33>. <https://elibrary.ru/VYQZBP>

Original article

Correspondence between P. V. Kireevsky and N. M. Yazykov in the 1830s and friendly epistolography traditions

Marina D. Kuzmina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of book publishing and book selling, Higher school of printing and media technologies, St. Petersburg state university of industrial technologies and design. 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya st., 18
mdkuzmina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Abstract. While I. V. Kireevsky had a lot of friends and a wide friendly correspondence (with A. I. Koshelev, V. F. Odoyevsky, A. V. Venevitinov, E. A. Baratynsky, N. M. Yazykov, N. M. Rozhalin, S. P. Shevyrev, S. A. Sobolevsky, A. S. Pushkin, P. A. Vyazemsky, and others, his younger introverted brother P. V. Kireevsky had only one friend with whom he corresponded – the poet N. M. Yazykov. Their communication continued until the end of the latter's short life in 1846. Yazykov was part of the Kireevsky-Yelagin family circle being accepted as a relative, which was extremely

important for Peter, who could not imagine life outside his family (it is worth noting that, unlike his elder brother, he never married). Moreover, the two friends were united by a great interest in old times, in Russian folklore. Yazykov zealously and eagerly, helped Kireevsky to collect works of oral folklore. This mutual interest influenced the nature of their correspondence: its language is somewhat archaic and is often stylized as folklore. At the same time, it is curious that the language was influenced by the contemporary literary process and, above all, by modern epistolography, reserved though it seemed at first sight. It reflects in its own way the «buffoonery» style popular with Pushkin and his friends as well as among Ivan Kireevsky's friends. At the same time, their correspondence was influenced by the Kireevsky-Yelagin family letters, which adopted a confessional and «heartfelt» manner. However, the epistolary communication between the two friends was deeply peculiar. Reserved and self-sufficient, Pyotr Kireevsky was hardly affected by external influences. His correspondence with Yazykov, which has not come to the attention of epistolary genre researchers, is of literary value. A study of the 1830s friendly epistolography cannot be complete without taking it into account.

Key words: P. V. Kireevsky; N. M. Yazykov; friendly epistolography of the 1830s; friendly correspondence; friendly letter; buffoonery letter; confessional letter

For citation: Kuzmina M. D. Correspondence between P. V. Kireevsky and N. M. Yazykov in the 1830s and friendly epistolography traditions. *Verhnevolski philological bulletin*. 2024;(4):33–41. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2024-4-39-33>. <https://elibrary.ru/VYQZBP>

Введение. Со второй половины XVIII в. на фоне художественных открытий сентиментализма эпистолярный жанр начинает играть все более важную роль в развитии русской словесности – и в первой трети XIX в. становится, по известному определению Ю. Н. Тынянова, «литературным фактом» [Тынянов, 1977, с. 265]. Особую роль в литературном процессе первой трети XIX в. сыграло дружеское письмо. Это наиболее эмансипированный инвариант эпистолярного жанра, представляющий максимальные возможности для художественных экспериментов, возможности, которые преумножались в случае дружеской переписки двух и более литераторов. Совместными усилиями можно было совершать открытия более быстро, многопланово и успешно. Общая траектория развития эпистолярного жанра в первой трети XIX столетия на сегодняшний день хорошо изучена, в основном на материале писем Пушкина и литераторов его круга. Как показали исследования, доверительно-исповедальное письмо конца XVIII в. – начала XIX в. сменяется «буффонадным», сложившимся под пером арзамасцев, в результате чего, по характеристике Л. Я. Гинзбург, стало наблюдаться «парадоксальное соотношение: в дружеском письме, казалось бы, самом интимном роде словесности <...> интимность оказывается запрещенной» [Гинзбург, 1987 с. 187].

При большом внимании, уделенном дружеской эпистолографии Пушкина и литераторов его круга, эпистолярное наследие их современников недостаточно изучено. Между тем без этого представление о развитии жанра письма не может быть полным. В частности, очень показательна не привлекавшая внимания исследовательницей обширная дружеская переписка будущего

славянофила, а в 1820-е–1830-е гг. начинающего литератора, литературного критика и издателя И. В. Киреевского, в числе друзей-корреспондентов которого были многие видные деятели его времени, в том числе в сфере культуры и литературы: А. И. Кошелев, В. Ф. Одоевский, А. В. Веневитинов (брат поэта Дмитрия Веневитинова), Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Н. М. Рожалин, С. П. Шевырев, близкий друг Пушкина С. А. Соболевский, Пушкин, П. А. Вяземский и др. В их переписке, с одной стороны, получила развитие «буффонадность», столь характерная для дружеской переписки Пушкина и арзамасцев, а с другой – чуждая последней доверительно-исповедальная тональность, отчасти унаследованная молодыми эпистолографами от традиций «чувствительной» эпистолографии конца XVIII в. – начала XIX в., но значительно переосмысленная [см. подр.: Кузьмина, 2023].

Петр Киреевский на фоне брата Ивана. Тем более не привлекало внимания специалистов эпистолярное наследие младшего брата Ивана Киреевского – Петра, тоже будущего славянофила и крупного фольклориста своего времени. Его личность, биография и творческое наследие малоизучены. Как при жизни, так и после смерти он по большей части оставался в тени своего старшего брата, вызывавшего у исследователей преимущественный интерес. Думается, не последнюю роль в этом сыграли различия в типе темпераментов, образе жизни, роде деятельности, круге общения обоих Киреевских. В отличие от Ивана, Петр был интровертом. Открытой общественной и культурной жизни он предпочитал жизнь внутреннюю, «домашнюю».

Так же, как и Иван, Петр Киреевский с начала 1820-х гг. живет в Москве (большинство исследователей называют 1822 г. годом переезда семьи Елагиных-Киреевских в Москву. Н. П. Колюпанов же – вероятно, опирающийся на какие-то недоступные нам сейчас материалы – приводит другую, точную дату: 14 июля 1821 г. [Колюпанов, 1889, 1987 с. 12]. Этот вопрос рассматривает Е. В. Лудилова [Кошелев, 2005, с. 97]), посещает литературный салон З. Н. Волконской и, разумеется, вовлечен в деятельность литературного салона, хозяйкой которого была их с братом мать, А. П. Елагина, и который в 1820-е–1840-е гг. пользовался чрезвычайной популярностью. Возможно, Петр вместе с Иваном участвует в одном или нескольких литературных кружках, но если относительно Ивана известно, что он входил в кружок «архивных юношей» (выражение С. А. Соболевского, тоже члена кружка), сложившийся в Московском архиве государственной коллегии иностранных дел, где служили оба брата, первый начал раньше, второй позже; Иван состоял также членом и литературного кружка С. Е. Раича, и «Общества любомудрия», – то относительно участия в этих кружках Петра доподлинных сведений нет (об этом исчерпывающе точно отозвался в свое время М. О. Гершензон: «...у нас нет ни одного прямого показания о его роли в этих кружках, об его интересе к ним или об их влиянии на его развитие...» [Гершензон, 2006, с. 458]. Думается, культурную атмосферу эпохи, ведущие тенденции современного ему литературного развития он впитывал преимущественно через посредничество семьи, к которой был сердечно привязан и за пределы которой не испытывал потребности выходить (примечательно, что, в отличие от Ивана, он не вступил и в брак). Это было влияние, как очевидно, прежде всего матери, А. П. Елагиной, одной из самых развитых и литературно образованных женщин своего времени, талантливой переводчицы, общавшейся со многими писателями, состоявшей в дружеских отношениях и в переписке со своим родственником и другом В. А. Жуковским, который, в свою очередь, оказывал влияние и на нее, и на ее сыновей. Их переписка, резонно замечает прот. Дмитрий Долгушин о переписке Жуковского и Елагиной, «...ориентировалась на сентименталистское литературное произведение <...>. В эту традицию А. П. Елагина вводила и своих детей...» [Долгушин, 2009, с. 20]. Возможно, наибольшее влияние Киреевский-младший ис-

пытывал со стороны старшего брата, на которого во многом ориентировался, которого безмерно уважал и любил. Вместе с тем Петр, несомненно, меньше, чем Иван (который, в частности, с юных лет был под нравственным обаянием личности Жуковского [см., напр.: Лясковский, 2006, с. 334–335]), поддавался каким бы то ни было влияниям, проявляя глубокую внутреннюю самодостаточность и самобытность. Эта особенность – с одной стороны, органичная включенность в литературный контекст эпохи, приобщенность к литературным традициям, а с другой, их переосмысление – проявляется и в эпистолярном наследии Петра Киреевского.

Единственный друг Петра Киреевского – поэт Николай Языков. В отличие от Ивана, у которого было внушительное количество друзей-корреспондентов, – у Петра друг-корреспондент всего один – поэт Н. М. Языков. Правда, об их переписке можно говорить весьма условно, поскольку сохранилось лишь одно послание Языкова, и то позднее – от августа 1843 г. Письма же Киреевского к нему 1830-х гг. насчитывают несколько десятков. В начале 1838 г. их автор скажет Языкову очень характерные слова: «Вне моей семьи ты у меня один, а моя душа старовер: ее церковь не терпит новизны и питается только дониконовскими просвирами» [Киреевский, 2006, с. 417]. Этим словам Киреевский был верен до конца. Не только в 1830-е, но и в 1840-е гг. Языков (ушедший из жизни в 1846 г.) оставался его единственным близким другом. Петр, как и мать, Елагина, состоял в хороших отношениях с друзьями Ивана, последние осведомлялись о нем, слали ему поклоны, но – он не принимал их в число своих друзей. И тем более не стремился, в отличие от брата, создать вторую, дружескую «семью», – в дополнение к первой, кровной.

Для Ивана же это было важно. Расширяя круг друзей, принимая в него все новых членов, он вместе с тем старался максимально сплотить их, и друзья вслед за ним были нацелены на то же самое. В письме к С. П. Шевыреву Киреевский-старший именуется дружеский круг «...истинным, неслучайным семейством» [Киреевский, 2018, с. 343]. Он размышляет об этом в связи с ситуацией, в которую попал и которую тяжело переживал Рожалин: его отец собрался жениться на «недостойной» [Киреевский, 2018, с. 343] женщине. Создаваемой таким образом «случайной» семье Киреевский противопоставляет «истинную» дружескую. Он считает очень важным утешить Рожалина напоминанием о нерушимо-

сти дружеских уз, а также помочь «советом дружбы» [Киреевский, 2018, с. 343], в котором Рожалин, славившийся своей нерешительностью, так нуждался. Вторя Киреевскому, Баратынский тоже говорит о дружеских связях как о родственных. Более того, он включает друга – наравне со своей молодой, любимой женой (А. Л. Баратынской, урожд. Энгельгардт) – в узкий семейный круг: «Дружба твоя, милый Киреевский, принадлежит к моему домашнему счастью; картина его была бы весьма неполной, ежели б я пропустил речи наши о тебе, удовольствие, с которым мы читаем твои письма, искренность, с которою мы тебя любим и радуемся, что ты нам платишь тем же. Мы оба видим в тебе милого брата и мысленно приобщаем тебя к нашей семейной жизни» [Баратынский, 2006, с. 164–165] (в этом отношении очень справедливо наблюдение И. М. Семенко, заметившей равнозначность для Баратынского любви и дружбы как двух великих ценностей жизни [см.: Семенко, 1970, с. 222]. И Кошелев мыслит в подобном ключе. Он мечтает вместе с друзьями публиковаться в журнале «Московский вестник», в котором они соединились бы в «одно семейство» [Кошелев, 2005, с. 117].

Если Иван, принадлежащий, таким образом, к двум в целом независимым друг от друга «семействам» – родственному и дружескому (хотя и его мать, и брат, как было сказано, а равно и другие родственники, были хорошо знакомы и дружески общались с его друзьями), то Петр Киреевский стремится ввести Языкова в свою единственную семью, в круг самых родных и близких. Характерно его обращение к другу в первом же письме: «Милый друг и брат...» [Киреевский, 2006, с. 349], – и в последующих письмах именование его «братом» [Киреевский, 2006, с. 352, 383]. Петр Киреевский рассказывает Языкову в письмах о членах своей семьи, не сомневаясь, что подобные сведения уместны и будут ему интересны (ср.: «Мы в Ильинском живем покуда и тихо, и мирно <...>, и все, слава Богу, здоровы, кроме маменьки, которая все еще пьет воды <...>. Брат по-прошлогоднему живет в Москве, только один раз приезжал сюда...» [Киреевский, 2006, с. 350], «Маменьку Рамих уговорил приехать в Москву для того, что, кроме прежней болезни, от которой она часто страдала, она здесь еще очень часто простуживалась...» [Киреевский, 2006, с. 352]), а некоторые письма к нему даже пишет совместно с родными. Так, одно из посланий, от 4 октября 1833 г., написано рукой

Ивана под диктовку Петра. Последний не мог сам держать перо по нездоровью. Фиксируя слова брата, Киреевский-старший делает свои комментарии в скобках (напр.: «О Толстом напишет Иван. (Это брат пошутил, я Толстого почти не знаю)» [Киреевский, 2006, с. 357]), и текст получается коллективно-диалогичным. Принадлежащее Петру в нем сливается с привнесенным Иваном. Закончив писать под диктовку, Киреевский-старший затем – во второй части – продолжает послание уже от себя. Другое коллективное семейное письмо к Языкову было создано в ноябре 1833 г.: текст рукой Петра не дополняется в конце, как это обычно бывает, а перемежается в середине, – довольно развернутой припиской Елагиной, в конце же следует еще более развернутая приписка Ивана. Для самого Ивана, разделявшего родственное и дружеское «семейство», подобные коллективные семейные письма к друзьям не были характерны. Тем примечательнее, что внутри дружеское «семейство» совместные письма имели место: Киреевский-старший мог с кем-то из друзей писать к общему другу (правда, и в этом случае они воспринимали то, что получилось, не как одно коллективное письмо, а как два «авторских» (ср. такие «двойные» письма: Киреевского и Титова – к Кошелеву от 30 марта и 11 апреля <1827 г.>, Киреевского и Веневитинова – к Соболевскому от <31 января 1830 г.>), пусть и «единомысленные», дополняющие друг друга. Петру же важно соединить себя, родных и Языкова в общий семейный круг. Для этого у него были некоторые «внешние» «основания»: друг-поэт еще в 1829 г., до начала переписки, жил в доме Елагиных-Киреевских в Москве, а летом 1831 г. отдыхал с ними в Ильинском, их подмосковном имении, – и был принят как свой, вошел в семейный круг. Это, конечно, было очень важно для Петра, но, несомненно, важнее для него была личная сердечная привязанность к Языкову, ведь совместное проживание с Соболевским за границей и дружба с ним брата Ивана не привели к дружбе Петра.

Дружеские письма Петра Киреевского. Тем любопытнее, что дружеские письма Петра в небольшой степени соотносимы с дружескими письмами Ивана и его второго «семейства». Эти письма также сочетают исповедальность и «буффонадность». В отношении первой можно отметить, что в «душеизлиянном» варианте она у Петра, как и у Ивана и у его друзей, скорее в проекте: «Вот тебе покуда моя исповедь вообще, – сообщает Киреевский-младший Языкову. –

Больше буду писать скоро...» [Киреевский, 2006, с. 401]. «...дари меня, хоть изредка письмами, которые бы сообщали мне известия о состоянии твоём, как нравственном, так и телесном» [Кошелев, 2005, с. 113], – просил Киреевского-старшего Кошелев. «Благодарю тебя за твои расспросы обо мне и охотно буду отвечать на них обстоятельно, – обещал тот, – ибо нет тяжелее состояния, как быть неузнанным теми, кого мы любим» [Киреевский, 2018, с. 201]. Но, в отличие от брата, Киреевский-младший любит актуализировать сентиментальную традицию хотя бы в клаузуле, которая у него часто приобретает вид эмоциональной гиперболы: «*Весь и вечно твой П. Киреевский* (курсив Киреевского. – М. К.)» [Киреевский, 2006, с. 406, 407]. Очевидно, сентиментальная эпистолярная традиция в целом осознается автором, подобно его современникам, как архаичная, однако он испытывает потребность выразить другу свои чувства – и позволяет себе это хотя бы в клаузуле, под прикрытием эпистолярного этикета.

В целом же в дружеской переписке обоих братьев артикулирована исповедальность не столько в «душеизлиянном», сколько в «ментальном» варианте – их больше интересует не состояние души, а развитие ума и самореализация на избранном поприще. Эпистографы с интересом расспрашивают и извещают об этом друг друга. Кошелев даже предложил Киреевскому-старшему идею непременно отчитываться в результатах этой деятельности друг перед другом в письмах, принятую и им, и всем дружеским кругом. Неудивительно, что лень в их переписке строго порицалась, причем лень как в отношении к деятельности, так и в отношении к самой переписке (неусердие во второй могло свидетельствовать о неусердии в первой; вызвало тревогу) [см. подр.: Кузьмина, 2022]. В эпистолярной Петра, посвятившего себя собиранию произведений русского народного творчества, в отличие от Ивана и его друзей, не стоит вопрос о лени и долге перед отечеством и другом. Автор писем всецело увлечен своим делом – и, чувствуется, не может писать ни о чем другом. Более того, едва находит время на письма, и находит его только ради друга.

Начиная с 1832 г., Петр Киреевский восторженно сообщает своему корреспонденту: «...я теперь совершенно углубился в народные песни и сказания» [Киреевский, 2006, с. 353], «...готовящееся собрание русских песен будет <...> одно из замечательнейших явлений литера-

туры...» [Киреевский, 2006, с. 376], «Ах, братец, коли б ты был здесь! То-то бы расцвели наши песни! <...>. Я хотя и весь в них, душой и телом, а все-таки чувствую, что не по силам мне одному быть нянькой этого царственного дитяти» [Киреевский, 2006, с. 390–391] и т. п. Эти восторженные признания были обусловлены не только полной отдачей их автора избранному делу, но и откликом, который и эти признания, и это дело находили у адресата. Языков тоже любил фольклор, что преломлялось и в его поэтическом творчестве [см. подр., напр.: Абашева, 2017, с. 92–131; Абашева, 2009, с. 329–418; Семенко, 1970, с. 211–217; Соймонов, 1971, с. 124, 142–143], и в том, что он усердно помогал Киреевскому. Уехав в 1833 г. из Москвы в свое симбирское имение, он с увлечением собирает там русские песни, побуждает к этому и родных, и знакомых, дает советы. Как заметил М. К. Азадовский, «заботы о песнях не оставляют его, можно сказать, ни на минуту» [Азадовский, 1936, с. 139; см. также: Абашева, 2017, с. 92–131]. Он сохраняет живой интерес к фольклору до конца своей недолгой жизни.

Фольклорно-литературный стиль писем Петра Киреевского. Любовь Киреевского к русской старине начинает определять и стиль его посланий. Они, скажем так, фольклорно-литературны. Отчасти стилизованы под художественное произведение (показательна их метафоричность – ср.: «нянька» «царственного дитяти»), но больше под произведения устного народного творчества. Петр Киреевский-эпистограф в полной мере оправдывает давно присвоенное ему название первого славянофила («Еще в Германии (где он находился с июля по ноябрь 1830 г. – М. К.), – замечал С. М. Сергиев, – (если не раньше) Киреевский определился как первый славянофил...» [Сергиев, 1992, с. 539]). Уже в 1830-е гг. он настолько впитал в себя и полюбил дух русской старины, что и мыслит, и выражается, с одной стороны, в традициях устного народного творчества (ср.: «...до сих пор еще на меня сердисься, несмотря на повинную голову, которой и меч не сечет...» [Киреевский, 2006, с. 353], «...у Киреева <...> молодая жена так хороша, что ни пером не описать, ни языком не сказать...» [Киреевский, 2006, с. 358], «Когда ты, справившись с богатырскими силами, пустишься в возвратный путь...» [Киреевский, 2006, с. 420] и т. п.), а с другой – в православных традициях (например, отнюдь не всуе поминает Бога: «Бакуниных, слава Богу, нет...»

[Киреевский, 2006, с. 350], «У нас все, слава Богу, идет хорошо...» [Киреевский, 2006, с. 355]). Ни того, ни другого даже в зародыше не было в эти годы в письмах Ивана Киреевского.

Любопытно, что при всей огромной значимости фольклорных и православных традиций для Петра Киреевского, те и другие могут становиться у него и основой для «буффонады». Последняя в его эпистолярии не лишает их аксиологической ценности. Эффект «буффонады» рождается в результате того, что Киреевский, глубоко вжившись в фольклорные и православные традиции, мысля и выражаясь в этих традициях, – свободно ими распоряжается. С одной стороны, разрушает застывшие языковые формулы, разнобразит и, соответственно, «оживляет» их (ср. в вышеприведенной цитате: «...ни пером не описать, ни языком не сказать...»). Идя дальше, освобождает слово или выражение от непрямой привязки к контексту – в частности, к сакральному религиозному. Таким образом рождается, например, клаузула одного из писем к Языкову: «И ныне, и присно, и во веки веков твой Киреевский» [Киреевский, 2006, с. 352]. Нельзя, правда, сказать, что это открытие Петра Киреевского. Подобное употребление религиозных «формул» было принято в дружеском эпистолярии пушкинской эпохи. В частности, сам Пушкин одно из писем к Жуковскому начинает словами: «Отче, в руке твоей предаю дух мой» [Пушкин, 1966, с. 173], – накладывая шутливое, принятое еще во времена арзамасского братства обращение к старшему другу-учителю «Отче», на серьезное молитвенное обращение к Богу: поэт повторил последние слова, произнесенные Распятим Христом с Креста (см.: Лк. 23: 46) (думается, Н. К. Эмирсуинова небезосновательно замечает по поводу этих обращенных к Жуковскому слов, что «здесь, конечно, выразилось стремление Пушкина говорить с поэтом-романтиком в его стилистическом ключе моралиста-христианина...», «...не только намек на религиозность Жуковского, но и смиренное признание за другом права старшинства» [Эмирсуинова, 1992, с. 58]). Возвращаясь к Петру Киреевскому, нужно отметить, что, с другой стороны, он не может не чувствовать неактуальность так полюбившейся ему лексики для современного языка (а вместе с тем, конечно, и неактуальность для большинства его современников традиций, стоящих за этой лексикой), особенно для разговорного. Между тем современный, в том числе разговорный, язык близок адресату (хотя ему не

чужда и архаика, и он, как и Киреевский любит русскую старину и православную веру (см. подр. о преломлении темы русской старины и о религиозных мотивах в его поэзии: [Абашева, 2009, с. 76–91]) и автору, и, конечно же, он наиболее аутентичен для дружеской переписки.

В результате фольклорист-эпистограф соединяет разнотилевую лексику, поддерживая и по-своему переосмысляя «буффонадные» эксперименты эпистографов пушкинского круга и круга старшего брата. Так, пишет Языкову: «...восприими сугубое поздравление! Да здравствуешь ты как кум Каролины и как регистратор коллежский!» [Киреевский, 2006, с. 354], «Хоть заочно, но крепко и костохрустно обнимаю тебя в знамение душевного поздравления с Новым годом...» [Киреевский, 2006, с. 361], «Крепко обнимаю тебя, мой наивседражайший, да здравствуешь ты и да ознаменуется 34-й год разверстием уст твоих!» [Киреевский, 2006, с. 388] и т. п. В подобном ключе адресовался к нему и Языков в единственном сохранившемся письме, 1843 г.: «Намереваюсь усесться здесь порядком, зане брэнному здоровью моему необходим постоянный надзор искусного целителя телес человеческих» [Языков, 2006, с. 152]. Оба друга совмещают архаичные формы: «восприими», «сугубое», «знамение», «наивседражайший», «уста», «зане», «телес» и пр. – с современными им разговорными. У Киреевского есть даже неологизм в духе характерного для дружеской эпистографии 1820-х–1830-х гг. словотворчества – «костохрустно». Эта эпистолярная традиция была хорошо знакома обоим. Языков участвовал в переписке пушкинского круга, к которому принадлежал, в том числе состоял в переписке с Пушкиным, хотя и проявлялся в ней по-своему, не поддаваясь всецело влиянию первого поэта России [см. подр.: Пригожая, 2003, с. 123–124; Рассадин, 2002, с. 78–129; см. также: Сахаров, 1984, с. 90–91; Трофимов, 2010]. Тем же путем – откликаясь на традиции и оставаясь собой – он шел и в поэзии [см. подр., напр.: Карпов, 1983, с. 268–270], где, в частности, ставит свой любимый архаизм «зане» в современные языковые контексты (ср. в его стих. «П. А. Осиповой» («Благодарю вас за цветы...»): «И все божественное лето, / Которое из рода в род, / Как драгоценность, перейдет, / Зане Языковым воспето!» [Языков, 1982, с. 104]. См. также его стих. «К. К. Павловой» («В те дни, когда мечты, блистательно и живо...»), «Сампсон»). По наблюдению еще В. Г. Белинского, первым на

этот древнерусский союз обратил внимание Пушкин, очень уместно, но всего единожды употребивший его – в трагедии «Борис Годунов». Попытки же Баратынского и Ап. Григорьева применять «зане» в литературе критик признал неудачными, заметив: «Чего не мог ввести Пушкин, того не введет г. Григорьев...» [Белинский, 1955, с. 886–887]. Языков – как в поэзии, так и в эпистолярной прозе – продолжает эксперименты с «зане», опираясь на арзамасскую традицию.

Киреевский в рамках этой традиции – в подобном «буффонадном» ключе – обычно начинает письма (хотя может начинать и в чисто разговорной тональности: «Ну, брат!» [Киреевский, 2006, с. 383], «Ах, братец...» [Киреевский, 2006, с. 390] и т. п.), опуская – опять же в традициях дружеской эпистографии своего времени – прескрипт. Отсутствие прескрипта традиционно знаменовало свободу общения, и в данном случае служит той же цели. Той же цели служит и «буффонадность». На нее же работает, хотя и иначе, «душеизлиянная» клаузула. Начало и окончание письма у Петра Киреевского, корректируя, гармонично дополняют друг друга.

Поздние письма Петра Киреевского к Языкову. В таком духе Киреевский писал Языкову до конца 1830-х гг. Он сохранит верность этой традиции и в 1840-е гг. Только клаузула со временем утратит юношескую гиперэмоциональность, которую сменит рассудительная сдержанность (ср.: «Твой Петр К. [Киреевский, 2006, с. 423], «Твой Петр Киреевский» [Киреевский, 2006, с. 445]). А прескрипт преобразится до предельно лаконичного архаично-разговорного «дуже» [Киреевский, 2006, с. 417], «дуже, старче честной» [Киреевский, 2006, с. 420], «дуже-старче» [Киреевский, 2006, с. 443], – отображающего верность автора письма самому себе, как и дружескую преданность, проверенную годами, дружескую доброжелательность, легкий юмор и легкую же грусть – по ушедшей молодости. Память об ушедшей молодости соединится в сознании автора-эпистографа с темой прошлого родной земли. Поздравляя Языкова с Новым – 1846 – годом, Киреевский выскажет многоговорящее пожелание ему здравствовать на «...многие, многие Новые годы, которые, хотя да будут всегда новые, но да отражают в себе все ярче всю красоту наших прежних, старых лет – и нашей православной Руси, и нашей молодости, потому что все-таки ж ничему новому не бывать милее старого, разве только укреп-

лять и освежать то, что составляет его душу» [Киреевский, 2006, с. 443].

Вывод. Этим принципам фольклорист-эпистограф оставался верен до конца и на выбранном поприще, и в переписке, и во всей своей жизни.

Библиографический список

1. Абашева Д. В. Языков и народно-поэтическая традиция. Москва : МГПУ, 2017. 264 с.
2. Абашева Д. В. Языковы в истории литературы и фольклористики. Москва : Таганка, 2009. 444 с.
3. Азадовский М. К. Киреевский и Языков. (Страница из истории русской фольклористики) // Азадовский М. К. Литература и фольклор. Очерки и этюды. Ленинград : Худ. лит-ра, 1936. С. 133–153.
4. Баратынский Е. А. Письма к И. В. Киреевскому // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 156–195.
5. Белинский В. Г. Стихотворения Аполлона Григорьева // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 9. Москва : Изд-во АН СССР, 1955. С. 592–600.
6. Гершензон М. О. Петр Васильевич Киреевский // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 447–505.
7. Гинзбург Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга // Красная книга культуры. Москва : Искусство, 1987. С. 183–188.
8. Долгушин Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: Из истории религиозных исканий русского романтизма. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 352 с.
9. Карпов А. А. Эпоха 1830-х годов в письмах Н. М. Языкова // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Ленинград : Наука, 1983. С. 268–270.
10. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. Санкт-Петербург : Росток, 2018. Т. 1. 608 с.
11. Киреевский П. В. Письма // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 3. Письма и дневники / Изд. подгот. А. Ф. Малышевским. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 305–454.
12. Коллопанов Н. П. Биография Александра Ивановича Кошелева: В 2 т. Москва, 1889–1892. Т. 1. 584 с. Т. 2. 436 с.
13. Кошелев А. И. Письма И. В. Киреевскому (1822–1828) / публ. Е. В. Лудиловой // Русская литература. 2005. № 1. С. 96–124.
14. Кузьмина М. Д. Дружеская переписка И. В. Киреевского 1820–1830-х гг. в литературном контексте // Русская литература. 2023. № 1. С. 119–134.

15. Кузьмина М. Д. Мотив лени в дружеской переписке молодого И. В. Киреевского // *Studia Litterarum*. 2022. № 1. С. 218–237.

16. Лясковский В. Н. Братья Киреевские // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 332–414.

17. Пригожая О. В. Переписка А. С. Пушкина с Н. М. Языковым как целостный текст // По царству и поэт: Материалы всеросс. науч. конф. «Н. М. Языков и литература пушкинской эпохи» / сост. и отв. ред. А. П. Рассадин. Ульяновск : Средневолжский науч. центр, 2003. С. 123–134.

18. Пушкин А. С. Письма. 1815–1837 // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. и писем: В 10 т. Т. 10. Москва : Наука, 1966. 903 с.

19. Рассадин А. П. Последний из пушкинской плеяды. Н. М. Языков. Историко-документальное повествование. Ульяновск : Симбирская книга, 2002. 200 с.

20. Сахаров В. И. Под сенью дружных муз. О русских писателях-романтиках. Москва : Худ. лит-ра, 1984. 295 с.

21. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. Москва : Худ. лит-ра, 1970. 295 с.

22. Сергиев С. М. Киреевский Петр Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 2. Г–К. Москва : Большая российская энциклопедия; Фианит, 1992. С. 538–540.

23. Соймонов А. Д. П. В. Киреевский и его собрание народных песен. Ленинград : Наука, 1971. 360 с.

24. Соймонов А. Д. Фольклорное собрание П. В. Киреевского и русские писатели // Литературное наследство. Т. 79. Москва : Наука, 1968. С. 121–166.

25. Трофимов Ж. Родня по вдохновенью. Историко-документальное повествование об А. С. Пушкине и Н. М. Языкове. Ульяновск : Издат. дом «Караван», 2010. 192 с.

26. Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977. С. 255–270.

27. Эмирсуинова Н. К. А. С. Пушкин в письмах к В. А. Жуковскому 1820-х годов // Романтизм: вопросы эстетики и художественной практики. Сб. науч. тр. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1992. С. 56–60.

28. Языков Н. М. Письмо к П. В. Киреевскому от августа 1843 г. // Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полн. собр. соч.: В 4 т. Т. 4. Материалы к биографиям. Восприятие и оценка личности и творчества. Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. С. 152.

29. Языков Н. М. Сочинения. Ленинград : Худ. лит-ра, 1982. 447 с.

Reference list

1. Abasheva D. V. *Jazykov i narodno-pojeticheskaja tradicija = Yazykov and folk poetic tradition*. Moskva : MGPU, 2017. 264 s.

2. Abasheva D. V. *Jazykovy v istorii literatury i fol'kloristiki = The Yazykovs in the history of literature and folklore studies*. Moskva : Taganka, 2009. 444 s.

3. Azadovskij M. K. *Kireevskij i Jazykov. (Stranica iz istorii ruskoj fol'kloristiki) = Kireevsky and Yazykov. (A page from the history of Russian folklore studies // Azadovskij M. K. Literatura i fol'klor. Oчерki i jetjudy. Leningrad : Hud. lit-ra, 1936. S. 133–153.*

4. Baratynskij E. A. *Pis'ma k I. V. Kireevskomu = Letters to I.V. Kireevsky // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorcestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 156–195.*

5. Belinskij V. G. *Stihotvorenija Apollona Grigor'eva = Poems by Apollon Grigoriev // Belinskij V. G. Poln. sobr. soch.: V 13 t. T. 9. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1955. S. 592–600.*

6. Gershenzon M. O. *Petr Vasil'evich Kireevskij = Petr Vasilievich Kireevsky // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorcestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 447–505.*

7. Ginzburg L. Ja. «Zastenchivost' chuvstva». *Po povodu pisem ljudej pushkinskogo kruga = «Shyness of Feeling». On the letters of people from Pushkin's circle // Krasnaja kniga kul'tury. Moskva : Iskusstvo, 1987. S. 183–188.*

8. Dolgushin D. V. V. A. *Zhukovskij i I. V. Kireevskij: Iz istorii religioznych iskanij russkogo romantizma = V. A. Zhukovsky and I. V. Kireevsky: From the history of religious pursuits of Russian Romanticism. Moskva : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2009. 352 s.*

9. Karpov A. A. *Jepoha 1830-h godov v pis'mah N. M. Jazykova = The epoch of the 1830s in N.M. Yazykov's letters // Pushkin: Issledovanija i materialy. T. 11. Leningrad : Nauka, 1983. S. 268–270.*

10. *Kireevskij I. V. Poln. sobr. soch. i pisem = Complete works and letters : V 3 t. Sankt-Peterburg : Rostok, 2018. T. 1. 608 s.*

11. *Kireevskij P. V. Pis'ma = Letters // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 3. Pis'ma i dnevniki / Izd. podgot. A. F. Malyshevskim. Kaluga : Izdatel'skij pedagogicheskij centr «Grif», 2006. S. 305–454.*

12. *Koljupanov N. P. Biografija Aleksandra Ivanovicha Kosheleva = The biography of Aleksandr Ivanovich Koshelev : V 2 t. Moskva, 1889–1892. T. 1. 584 s. T. 2. 436 s.*

13. *Koshelev A. I. Pis'ma I. V. Kireevskomu (1822–1828) = Letters to I.V. Kireevsky (1822–1828) / publ. E. V. Ludilovoj // Russkaja literatura. 2005. № 1. S. 96–124.*

14. *Kuz'mina M. D. Druzheskaja perepiska I. V. Kireevskogo 1820–1830-h gg. v literaturnom kontekste = I. V. Kireevsky's correspondence with friends in the*

1820s-1830s in a literary context // Russkaja literatura. 2023. № 1. S. 119–134.

15. Kuz'mina M. D. Motiv leni v družeskoj perepiske mladogo I. V. Kireevskogo = The motif of laziness in young I. V. Kireyevsky's correspondence with friends // Studia Litterarum. 2022. № 1. S. 218–237.

16. Ljaskovskij V. N. Brat'ja Kireevskie = The Kireev brothers // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorčestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogičeskij centr «Grif», 2006. S. 332–414.

17. Prigozhaja O. V. Perepiska A. S. Pushkina s N. M. Jazykovym kak celostnyj tekst = A. S. Pushkin's correspondence with N. M. Yazykov as an integral text // Po carstvu i pojet: Materialy vsereoss. nauch. konf. «N. M. Jazykov i literatura pushkinskoj jepohi» / sost. i otv. red. A. P. Rassadin. Ul'janovsk : Srednevolzhskij nauch. centr, 2003. S. 123–134.

18. Pushkin A. S. Pis'ma. 1815–1837 = Letters. 1815-1837 // Pushkin A. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 10 t. T. 10. Moskva : Nauka, 1966. 903 s.

19. Rassadin A. P. Poslednij iz pushkinskoj plejady. N. M. Jazykov. Istoriko-dokumental'noe povestvovanie = The last of Pushkin's pleiad. N. M. Yazykov. Historical and documentary narrative. Ul'janovsk : Simbirskaja kniga, 2002. 200 s.

20. Saharov V. I. Pod sen'ju družnyh muz. O russkih pisatel'jah-romantikah = In the shadow of friendly muses. About Russian romantic writers. Moskva : Hud. lit-ra, 1984. 295 s.

21. Semenko I. M. Pojety pushkinskoj pory = The poets of Pushkin's time. Moskva : Hud. lit-ra, 1970. 295 s.

22. Sergiev S. M. Kireevskij Petr Vasil'evič = Kireevsky Petr Vasilievich // Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheski slovar'. T. 2. G–K. Moskva : Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija; Fianit, 1992. S. 538–540.

23. Sojmonov A. D. P. V. Kireevskij i ego sobranie narodnyh pesen = P. V. Kireevsky and his collection of folk songs. Leningrad : Nauka, 1971. 360 s.

24. Sojmonov A. D. Fol'klornoe sobranie P. V. Kireevskogo i russkie pisateli = P. V. Kireevsky's folklore collection and Russian writers // Literaturnoe nasledstvo. T. 79. Moskva : Nauka, 1968. S. 121–166.

25. Trofimov Zh. Rodnja po vdohnoven'ju. Istoriko-dokumental'noe povestvovanie ob A. S. Pushkine i N. M. Jazykove = Kindred by inspiration. Historical-documentary narrative about A. S. Pushkin and N. M. Yazykov. Ul'janovsk : Izdat. dom «Karavan», 2010. 192 s.

26. Tynjanov Ju. N. Literaturnyj fakt = A literary fact // Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino. Moskva : Nauka, 1977. S. 255–270.

27. Jemirsuinova N. K. A. S. Pushkin v pis'mah k V. A. Zhukovskomu 1820-h godov = A. S. Pushkin in his letters to V. A. Zhukovsky in the 1820s // Romantizm: voprosy jestetiki i hudozhestvennoj praktiki. Sb. nauch. tr. Tver' : Tverskoj gos. un-t, 1992. S. 56–60.

28. Jazykov N. M. Pis'mo k P. V. Kireevskomu ot avgusta 1843 g. = The letter to P. V. Kireevsky of August 1843 // Kireevskij I. V., Kireevskij P. V. Poln. sobr. soch.: V 4 t. T. 4. Materialy k biografijam. Vosprijatie i ocenka lichnosti i tvorčestva. Kaluga : Izdatel'skij pedagogičeskij centr «Grif», 2006. S. 152.

29. Jazykov N. M. Sochinenija = Works. Leningrad : Hud. lit-ra, 1982. 447 s.

Статья поступила в редакцию 30.09.2024; одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 14.11.2024.

The article was submitted on 30.09.2024; approved after reviewing 20.10.2024; accepted for publication on 14.11.2024